

Литература Пскова второй половины XV — первой половины XVI в.

Введение

История Псковской земли в XV в. неразрывно связана с историей образования Русского государства во главе с Москвой. По существу Псков в течение XV в. уже находился в открытой зависимости от Москвы, хотя номинально и сохранял еще автономию. Московский князь вмешивался попрежнему в ссоры Пскова с Новгородом, требуя, в свою очередь, от псковичей участия в походах против Новгорода. Псков не только получал из Москвы военную помощь против Ливонии и Литвы, но и вел переговоры с этими соседями от имени великого князя московского.

Нападения ливонских рыцарей на Псков нередки и в XV в., но часто они уже носят характер мелких военных стычек, заканчиваясь более или менее длительными перемириями.

Отношения с Литвой у Пскова в XV в. сложны. В это время пограничные западнорусские области стали предметом спора между двумя крупными политическими объединениями — Великорусским великим княжеством, возглавляемым Москвой, и Литовско-Русским государством. Псков оказался одной из тех земель, которыми Литва стремилась завладеть. Вместе с тем псковские верхи — боярство и купечество, — защищая во имя своих классовых интересов «старину и пошлину», не раз выступали в XV в. против Москвы, при поддержке литовского князя. Однако народная масса в Пскове явно тянула не к Литве, а к Москве, как носительнице идей национального и религиозного объединения. В конфликтах со своими «лучшими людьми» — боярством и купечеством — «меньшие люди» Пскова апеллировали иногда к сильной власти московского князя. Нуждаясь в помощи великого князя московского, чтобы оградить себя от покушений и Литвы и Новгорода, псковичи старались жить с ним в мире, сдерживать его своей покорностью от покушений на местную «старину и пошлину». Это не всегда удавалось, и в течение XV в. нередки конфликты псковичей с великокняжескими наместниками, во время которых классовая борьба между «лучшими» и «меньшими» людьми Пскова проявля-

лась особенно резко. Отсылая от себя великокняжеских наместников, псковичи объясняли это поставлением их «ни по псковскому прошению, ни по старине», тем, что они бывали «на народ не благи, псковичи не званы»; Иван III требовал, чтобы псковичи не судили сами его наместников, а передавали дело о них в Москву.

Великие князья ссорились с Псковом, недовольные малыми дарами, а псковичи обижались на наместников, требовавших себе подарков «не по псковской силе, с гневом и враждой».

Для развития народного хозяйства в строящемся национальном Русском государстве к концу XV в. ясно обозначилась нужда в выходе к Балтийскому морю. Москве необходимо было взять в свои руки регулирование отношений с западными соседями. Между тем псковское вече, как и новгородское, руководимое боярско-купеческой верхушкой, вело по отношению к этим соседям свою независимую политику, отвечавшую не общенародным, а местным, притом узко классовым интересам. Это обстоятельство было одной из существенных причин, вызвавших окончательное присоединение и Новгорода и Пскова к Москве, давшее возможность великому князю «по своей воле» распоряжаться местными силами и средствами.

Ближайшим поводом для упразднения в Пскове местной политической власти послужили непрекращавшиеся стычки веча с великокняжескими наместниками. Последний московский наместник, князь Репня Оболенский, «лютый до людей», по словам летописи, притом же «поставленный не по старине», жаловался в Новгород находившемуся там великому князю Василию на псковичей; те, в свою очередь, били челом на него. Попытка великого князя примирить враждующие стороны не удалась, тогда он вызвал в Новгород и наместника и всех недовольных им; приехавшие посадники и купеческие старосты на владычном дворе были арестованы, и великий князь потребовал от Пскова «вечевой колокол снять, вечу не быть, а править Псковом и пригородами наместникам». Псков уступил; 13 января 1510 г. вечевой колокол был снят и отвезен великому князю в Новгород. Последовавшая при введении новых политических порядков ломка «старины и пошлины» была более ощутима для верхов псковского общества, которых Василий III «поймал к себе». Стягивая силы к политическому центру и вместе с тем, ослабляя местное влияние, Василий III вывел в Москву 300 знатных семей из Пскова, затем выслал оттуда купцов и житейных людей, на место которых были присланы московские под предлогом налаживания пошлин и чеканки новой монеты. Великий князь отписал на себя большое количество церковных земель, которые пошли частью на доходы княжеской казны, частью на содержание служилых людей. Городской и сельский люд Пскова — «молодые люди» — меньше ощутили сразу ломку привычных бытовых традиций. При взятии Пскова великий князь московский велел сказать им: «до вас государю дела нет... а вас государь пожалует грамотою своею жалованною, как вам впредь жити». Эти новые порядки вводились в течение XVI в.

Культурная жизнь в Пскове в XV—XVI вв. протекала в довольно сложной обстановке. Из Москвы, связи с которой делаются с XV в. все теснее, идет воздействие старой византийской образованности, пополненной в XV в. новым притоком богословской, исторической и публици-

стической литературы. В начале XVI в. Псково-Печерский монастырь обладал уже библиотекой, в которой разнообразно представлены были сочинения «отцов церкви»: старец псковского Елеазарова монастыря Филофей не только прекрасно владел библейской и апокрифической литературой эсхатологического содержания, но ему известны были и близкие по времени произведения московской исторической и публицистической литературы, определившие основные идеи и стилистику его посланий. Через Москву же, возможно, в Пскове поддерживается и старшая литературная традиция северо-восточной Руси, о которой свидетельствуют отголоски в псковских памятниках то Даниила Заточника, то Серапиона Владимирского. Через Литовско-Русское государство попрежнему сохраняется связь с литературой Киевской Руси. В начале XVI в. в Пскове знали Слово о полку Игореве, единственный список которого был сделан именно в это время в Пскове.

Возникшее в Новгороде в конце XV в. умственное движение, получившее название ереси «жидовствующих», захватило и Псковскую область, втянув ее в круг новых религиозных и научных идей. Постоянное общение с Западом, и во время военных столкновений и при дипломатических торговых сношениях, ставило псковичей лицом к лицу с другой более передовой культурой. Раньше, чем в Московском государстве, псковичи надевают полукафтаны, причесываются «по-польски» (с пробором), отправляют своих зодчих учиться на Запад; «с инья земли» — (вероятно из Литвы) получают образа Николы и св. Пятницы «на рези в храмах», т. е. резные рельефные изображения, которые «многие невежливые люди поставиша за болванное поклонение, и бысть в людех молва велика и смятение»; понадобилось разъяснение архиепископа Макария, который успокоил псковичей и приказал торжественно принять новые образа. Элементы западной живописи вскрываются в расчищенных за последние годы псковских иконах XV—XVI вв.

С Запада шли в Псков не только предметы новой материальной культуры и искусства. Помимо книжности «жидовствующих» просачивались через соседнюю Ливонию идеи рационализма, критического отношения к вопросам религии.

В 1491 г. латинские монахи приходили «из немец» в Псков и спорили здесь с псковскими попами о восьмом Флорентийском соборе; а в 1530-х—40-х годах монах Псково-Печерского монастыря Артемий, будущий игумен троицкий, едет в соседний лифляндский город Нейгаузен, по видимому, заинтересованный протестантизмом; сам Артемий признался на судившем его соборе, что он «говорил с немецким князем, есть ли у них таков человек, с кем бы ему поговорить книгами. А то, сказывает Артемий, на уме у него было, что было ему говорить, как хрестьянской закон с Римским законом, по тому ли, как у нас; и такого ему человека книжного не сказали, с кем было ему книгами говорить».

Этот пытливый пскович в Москве был осужден за свою любознательность, в которой усмотрели вольнодумство, как и в других его критических размышлениях по поводу религиозных вопросов.

Встречаясь постоянно с людьми других вероисповеданий, псковичи — и церковники и миряне — приобретали интерес к богословским вопросам, чем отчасти объясняется деятельное участие псковского веча в обсуждении чисто церковных вопросов, а также горячие споры псковичей и по поводу права вдовых попов служить, и по вопросу о том, двоить или троить «аллилуию»...

К XV в. относится расцвет псковского зодчества. Псков и его пригороды продолжают обстраиваться крепостными сооружениями, которые достигают в начале XVI в. особенной внушительности. Общее протяжение стен Пскова составляло свыше 9 километров. В конце XVI в. ксендз Пиотровский, сопровождавший войска Стефана Батория, сравнивал Псков по масштабам и красоте с Парижем. Однако псковское оборонительное строительство резко отличалось от западноевропейских фортификаций, которые воздвигались лишь для защиты феодального ядра города, тогда как стены Пскова опоясывали камнем весь город с его посадами и пригородными окраинами.

В XV—XVI вв. продолжается и большое церковное строительство. Однако перед зодчими больше не выдвигаются задачи такого масштаба и идейно-политического значения, как перестройка Троицкого собора, как бы отметившая начало псковской самостоятельности. Церкви строятся теперь горожанами и их корпорациями, маленькими псковскими монастырьками. Это небольшие, но многочисленные уютные храмы, очень скромные и простые по своему назначению и исполнению. Рыхлые, легко выветривавшиеся псковские известняки не позволяли прибегать к детальной разделке фасадов, поэтому зодчие Пскова продолжали совершенствовать старые суровые, лапидарные и обобщенные формы, невольно сближающие церковную архитектуру с крепостным зодчеством. Только поясок треугольных и квадратных впадинок украшает барабаны глав и апсид, напоминая простую народную вышивку или резной деревянный узор. Зато зодчие и ктитеры стремятся сделать свой маленький храм просторным и звонким и разрабатывают остроумную систему его перекрытия при помощи перекрещивающихся сводов и арок, позволяющую освободить интерьер от столбов. В стенах и сводах закладываются полые глиняные кувшины-голосники, улучшающие акустику храма. Его массив обрастает снаружи прихотливо расположенными приделами и притворами, сообщающими храму особенную живописность. Примерами псковской архитектуры XV—XVI вв. являются церковь Василия на Горке (1413), Георгия со взвоза, Сергия с Залужья, маленькие бесстолпные храмы Николы Каменноградского, Никиты-мученика и другие.

Быстрота, с которой воздвигались в Пскове крепостные стены и церковные сооружения, свидетельствует о наличии в Пскове больших и мощных корпораций строителей. Псковичи заслуженно пользовались репутацией лучших русских строителей и конструкторов. Они были известны и как строители водяных мельниц и плотин. Псковскими мельницами восхищался под Островом ксендз Пиотровский (1581). В Новгороде, при митрополите Макарии, неизвестный пскович, перегородив часть Волхова плотиной, построил каменную водяную мельницу, простоявшую, впрочем, недолго.

По свидетельству летописи, псковские зодчие ездили на Запад и учились там «каменосечной хитрости». Это обеспечивает им широкую практику: в конце XV в. псковичей приглашают в Москву для экспертизы по поводу упавшего Успенского собора и для новой постройки этой главной святыни Русского государства. Они строят также на Севере (в пределах бывших новгородских владений) и на Востоке — в покоренной Грозным Казани. Строителем величайшего создания зодчества XVI в. — собора Василия Блаженного в Москве был пскович Постник Яковлев.

Чрезвычайно интенсивные художественные связи Пскова с Западом, с одной стороны, и с Москвой — с другой стороны, не могут еще быть пррслежены с достаточной полнотой, так как изучение псковского искусства только начинается. Можно предполагать, что эти связи были особенно прочны в живописи. В некоторых из псковских икон XV в. заметно влияние западной готической живописи в изображении человеческого тела, в своеобразной попытке передачи светотени (влияние масляной живописи), в некоторых деталях (западное оружие). В живопись проникают и своеобразные отзвуки эпохи Возрождения. Так, например, на храмовой иконе Богоявленской церкви в изображении «древа Есеева» вместе с пророками представлены античные философы. Мифологические фигуры изображены на «Снетогорских» царских вратах XV в.

Против некоторых новшеств в псковской живописи выступал Геннадий новгородский; споры о псковских новшествах отразились в московских соборах XVI в., псковичи принуждены были защищаться и упорствовали в своем мнении. Когда, после большого пожара 1547 г. в Москве, туда были выписаны для росписи Благовещенского собора живописцы псковичи, в Москве возбудили в некоторых людях сомнение написанные ими иконы. Дьяк Висковатый с особой энергией выразил это сомнение по поводу икон, написанных «по своему разуму», т. е. не по старому обычаю и даже с введением в иконы светских мотивов. Все это было веянием, принесенным с Запада. По наблюдениям Ровинского, в Пскове были известны гравюры с рисунков Чимабуэ и Перуджино, и псковские иконописцы «Останя и Якушка» по этим «переводам» выполнили для Москвы две иконы — «Единородный сын» с рисунка Чимабуэ и «Во гробе плотски» — с рисунка Перуджино. Таким образом псковские мастера вместе с новгородскими сделались проводниками западных влияний в московскую живопись.

В целом псковская живопись предвосхищает некоторые элементы того стиля, который затем стал типичным в московской живописи XVI в. (в частности строгановской школы): сюда относится особая декоративность псковских икон, пристрастие к золоту, к орнаменту, суховатость композиции (происходящая отчасти от слишком строгого следования правилам симметрии) и т. д. В некоторых из псковских икон проскальзывают черты, характерные для художественной манеры Андрея Рублева (ср., например, морозовскую Троицу XV — начала XVI в. в Третьяковской галлерее).

Живопись Пскова изучена еще в меньшей степени, чем его архитектура. Совершенно не изучены недавно открытые росписи Милетова (1462), в деталях свидетельствующие о большом живописном чутье псковичей и о значительно более высоком художественном их даровании, чем одновременные им упадочные росписи новгородских церквей XV в. (в Гостинополье, в Зверине монастыре, в Сергиевской церкви в новгородском детинце и др.). Нет сомнения, что изученное со временем псковское искусство, благодаря своим разносторонним связям, окажется ключом ко многим проблемам истории древнерусского искусства.